

"Новое время"
№ 5 29 февр. 2003

Если обойтись без комплиментов

"Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие", – говорил известный советский экономист академик С. Струмилин. Какова природа экономического роста в нашей сегодняшней экономике?

Егор Гайдар

Идут продолжительные дебаты о том, какова природа экономического роста, который с 1999 года наблюдается в России. Есть две основных точки зрения. Одна предельно комплиментарная для правительства: к власти пришел В. Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они и вызвали рост. Вторая никаких особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесцениванием рубля.

Структурные реформы, конечно же, для перспектив роста важны; точно так же важны для российской экономики динамика цен на нефть и реального курса рубля. Но глубина и природа сегодняшнего экономического роста в России прямого отношения к обозначенным выше факторам не имеют.

ВВП для живых и мертвых

Почему-то, обсуждая тему роста в нашей стране, мы игнорируем тот факт, что существует еще примерно три десятка государств, которые, подобно нам, решают задачу постсоциалистического восстановления. И если анализ развития событий в России производить в контексте того, что происходит у наших соседей, станет очевидно, что сегодня растут экономически, за мелкими исключениями, практически все страны, расположенные на постсоветском пространстве. Между 1991 и 1994 годами во всех этих государствах наблюдалось падение производства. В 1995 году начинают появляться признаки роста, в первую очередь в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или оказались объектом блокады. В 1996–1998 гг. видим рост и в других странах. Неустойчивый, часто обратимый; признаки роста сменяются падением. С 1999-го рост обретает стабильность и происходит почти повсеместно, кроме Украины. С 2000-го – повсеместно (исключение – Киргизия в 2002 году).

Напомню, что среди постсоветских государств есть нетто-экспортеры нефти и нефтепродуктов. Есть нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов. Есть те, в которых в течение 1995–2002 гг. происходило реальное укрепление национальной валюты. Есть те, в которых происходило ее реальное ослабление. Ни в одной из постсоветских стран, кроме нашей, не приходил к власти Владимир Владимирович Путин и не начинались реформы по российской модели 2000–2001 гг. И тем не менее все они являются сегодня растущими экономиками.

Но если мы все вместе «падали» в первой половине 90-х, а с конца 90-х все вместе «растем», есть резон предположить, что и падение в начале десятилетия, и сменивший его в конце десятилетия рост – части единого процесса.

Так оно и есть, и объясняется этот постсоциалистический переход из спада в рост тем

обстоятельством, что при социализме колоссальная часть производственной деятельности была экономически не оправдана.

Крупнейшие экономисты XX века, создававшие концепцию национальных счетов и валового внутреннего продукта, к понятию валового внутреннего продукта относились очень и очень деликатно, прекрасно понимая его социальную обусловленность.

Можно вспомнить блестящего американского ученого русского происхождения, нобелевского лауреата Саймона Кузнеца, отмечавшего, что при своеобразных погребальных обрядах, характерных для Древнего Египта (умершим оставляли съестные припасы), трудно определить применительно к тогдашней египетской экономике подушевое значение валового внутреннего продукта: делить ли все, что произведено, на живое население Египта или же на число живых и первое поколение мертвых?

Можно вспомнить о том, что Саймон Кузнец отказывался включать социалистические страны в предмет изучения современного экономического роста именно по той причине, что не был уверен, в какой степени сама концепция ВВП применима для социалистических экономик.

Здесь ничего не продается и не покупается

Однако сегодня мы оперируем понятием ВВП чересчур легко, нередко забывая о фундаментальных гипотезах, которые лежали в его основе.

Концепция ВВП формировалась для рыночных экономик с относительно небольшим государственным сектором, при этом государственным сектором, который функционирует в условиях демократии. Отсюда гипотеза создателей концепции ВВП: если за товар или услугу кто-то платит либо как налогоплательщик, либо как потребитель, то, следовательно, мы имеем дело с осмысленной экономической деятельностью, которая имеет ценность. Кажется, все логично и достаточно просто, но лишь для рыночных экономик, функционирующих в условиях демократии. А попробуем наложить сказанное на реалии социалистической экономики... Здесь ничего реально не продается и не покупается, здесь доминирует рынок продавца. Объемы производства, структура производства, структура распределения – все определяется авторитарной властью. Можно ли полагать, что всякая экономическая деятельность, осуществляемая в рамках подобного режима, является осмысленной экономической деятельностью? Огромные объемы экономической деятельности, которая осуществлялась в течение социалистического периода, не имели никаких оснований, платить за них в условиях рынка и демократии никто бы не стал.

А это означает, что колоссальная часть этой деятельности не имеет ни малейшего экономического смысла.

В свое время осушали Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение уровня Каспия. Потом строили канал Волга-Чограй, чтобы отвести воду из Волги и приостановить повышение уровня Каспия. И в первом случае, и во втором создавался ВВП – если, конечно, рассматривать это понятие под привычным углом зрения социалистических экономик. В 70-х годах прошлого века были потрачены крупные средства на то, чтобы осушить торфяники под Москвой. В 2002 году эти торфяники горели, и сейчас обсуждается вопрос о том, не надо ли оросить их снова. Работы по осушению давали прирост валового внутреннего продукта. Если придется орошать, это тоже даст увеличение валового внутреннего продукта. Если приступить к реализации идеи Ю.М. Лужкова о переброске сибирских рек в Среднюю Азию, валовой внутренний продукт будет бурно расти. Конечно, придется немножко перестроить наши экономические, и не одни лишь экономические, институты, может быть, посадить людей на карточки, но валовой внутренний продукт возрастет.

Демонтаж социалистической структуры хозяйствования высветил тот фундаментальный факт, что значительная часть экономической деятельности, которая реализовывалась в условиях социализма, никогда не будет востребована в условиях рынка и демократии. Но перераспределение ресурсов, сконцентрированных в этих видах деятельности, в другие, в те, на которые есть реальный рыночный спрос, не может произойти немедленно.

(Собственно, и постсоциалистическая рецессия, и последующее восстановление – это единый процесс. На первых стадиях перехода ресурсы, которые высвобождаются из

нерыночного сектора, значительно превышают по объему те, которые могут быть задействованы в секторе, работающем на рынок, на реальный спрос. К тому времени, когда ресурсы, которые могут быть задействованы в рыночном секторе, оказываются больше, чем те, которые высвобождаются из нерыночного сектора, рецессия останавливается и начинается постсоциалистический восстановительный рост.)

Исследователи указывают на то, что большую глубину и большую продолжительность постсоциалистическая рецессия имеет в тех странах, где социализм существовал на протяжении не двух поколений (40 лет), как в Восточной Европе или в странах Балтии, а трех (75 лет), где масштабы нерыночного сектора и диспропорции, порожденные периодом социалистического хозяйствования, были больше.

Рыков и Касьянов

Рост, который мы видим в России сегодня, – в отечественной истории не уникален. У него много схожих черт с восстановительным ростом, имевшим место при НЭПе, после революции и Гражданской войны. Понятие «восстановительный рост» ввел в научный обиход замечательный российский экономист В. Громан, описавший его особенности в своих работах, относящихся к 20-м годам. Согласно Громану, восстановительный рост – это рост, который происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной, квалифицированной рабочей силы. Данные, составляющие в сочетании с ликвидацией дезорганизации, восстановлением хозяйственных связей (ученый отмечал, что, несмотря на те разрушения основных фондов, которые принесла Гражданская война, гораздо большую роль в падении производства сыграли не физические разрушения, а дезорганизация хозяйственных связей), позволяют объединить вновь факторы производства, запустить производственный процесс.

Характерная черта восстановительного роста – его предельно высокие темпы на начальном этапе, неожиданные для специалистов, экспертов, политической элиты. Никто из специалистов Госплана, вспоминает Громан, не ожидал, что темпы экономического роста в 1923–1924 хозяйственных годах, сразу после денежной реформы и стабилизации денежного обращения, будут столь высокими. Госплан прогнозировал, что экономический рост в 1923–27 годах без масштабных капиталовложений может в целом вывести национальный доход Советского Союза на уровень примерно половины национального дохода России 1913 года. Оказалось, национальный доход СССР достиг уровня, близкого к 100 процентам российского ВВП 1913 года (статистика этого периода является спорной, оценки колеблются в пределах от 90 до 110 процентов, но общая картина от этого не меняется).

Точно так же нынешнее российское правительство в своих бюджетных документах наиболее вероятными на 2000 год считало показатели в диапазоне от 0,2 процента роста до в 2,2 процента падения. Международный валютный фонд прогнозировал весной 2000 года рост российского ВВП на 1,5 процента. Реально же рост ВВП составил 9 процентов. Рост промышленного производства – 11 процентов.

На Украине, где пик темпов роста пришелся на 2001 год, прогнозировалось увеличение ВВП на 3,5 процента. Реальный рост составил 9 процентов.

В общем, восстановительный рост с его чрезвычайно высокими на начальном этапе темпами приходит неожиданно, как приятный сюрприз. Но вот дальше – уже далеко не радостная особенность: восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер, поскольку производство запущено, как говорилось, благодаря соединению имевшихся старых мощностей со старой квалифицированной рабочей силой, а располагаем мы обоими этими ресурсами в объемах ограниченных. Поэтому темпы роста начинают падать, как они падают сегодня у нас.

Однако сами предельно высокие темпы восстановительного роста на его ранних стадиях затем задают планку в экономической политике.

В 1920-е годы в России проблема того, как не допустить падения темпов экономического роста, порожденного восстановительными процессами, была важнейшей. Попытки резкого увеличения темпов вложений и форсирование экономического роста в 1925–26 годах привели к дестабилизации денежного обращения, росту цен и появлению дефицита товаров. Тогда эти процессы протекали на фоне еще не исчерпанных резервов восстановительного

роста. Поэтому весной 1926 года советское правительство искало разрешение противоречий на пути восстановления баланса денежного обращения, преодоления инфляционных тенденций, снижения темпов роста капитальных вложений.

В 1927–28 годах аналогичная попытка подстегнуть темпы экономического роста проходила уже на ином фоне: основные резервы восстановительного роста исчерпаны, его темпы резко падают. И вновь давшие о себе знать финансовые диспропорции (рост цен, обострение товарного дефицита) были разрешены уже не путем восстановления финансового и денежного баланса, а на основе полного демонтажа инструментов новой экономической политики, принудительного изъятия зерна у крестьян, насильственной коллективизации.

Когда весной 2002 года в политической элите началась дискуссия о недопустимости ориентации российского правительства на осторожные проекторки 4-процентного роста ВВП и о необходимости иметь более амбициозные планы, я не мог не вспомнить о том, что председатель Совнаркома А. Рыков первый раз подал в отставку в марте 1928 года на заседании Политбюро ВКП(б) именно в ответ на требования товарищей ставить перед собой более амбициозные задачи. Известный советский экономист академик С. Струмилин в то время говорил: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». Жесткая позиция премьера М. Касьянова, сказавшего весной 2002 года, что прорывов не будет, показывает, что за прошедший век мы чему-то научились.

Для того чтобы создать предпосылки уже не восстановительного роста, а устойчивого, долгосрочного роста на основе создания новых мощностей, вложений, когда вкладывать деньги инвестор должен не на короткий период, а на многие годы, нужен совершенно другой уровень гарантий, вообще всех институтов доверия к собственности, нежели при восстановительном росте, когда ты просто запустил производство и оно начало давать тебе прибыль.

Олигархия де-факто

Нынешнее российское правительство стремится – по крайней мере, стремилось в 2000–2001 гг. – создать предпосылки устойчивого, а не восстановительного роста, и это, разумеется, правильно. Но здесь мало провести налоговую реформу или ввести новый трудовой кодекс, нужен целый набор важнейших структурных реформ, и они должны дополнять друг друга. Потому что можно иметь замечательную налоговую систему, но если при этом судебная система не функционирует, а государственный аппарат коррумпирован, то люди не будут вкладывать на долгие годы и с огромными рисками свои деньги в нашу экономику. А значит, рост будет носить затухающий характер, отсюда риск авантюрных экспериментов, подобных тем, которые подорвали НЭП.

Едва ли не самая, на мой взгляд, серьезная угроза, с которой мы сталкиваемся сегодня, заключена именно в сочетании затухающих темпов восстановительного роста и резкого замедления – под усиливающимся влиянием российской бюрократии – структурных реформ, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста. Это опасный риск, который вполне может сыграть крайне негативную роль в развитии ситуации в российской экономике, в российском обществе.

Одно из проявлений этой проблемы – олигархический капитализм. Не в том виде, в котором он существовал в конце 90-х годов, когда очень небольшая группа людей вела себя как реальное правительство России, да, в общем, и являлась реальным правительством России, – это вчерашний день. Но колоссальная концентрация ресурсов в руках очень небольшого круга крупнейших компаний, позволяющая обеспечить тесное переплетение экономической мощи с политическим влиянием, сращивание власти с собственностью, – это сохраняющиеся и сегодня российские реалии.

Частично это реакция на несовершенство российского государственного устройства, на слабость судебной системы: если вы не можете добиться, чтобы контракты выполнялись через суд, вы создаете крупные вертикально интегрированные компании и обеспечиваете управляемость за счет того, что контролируете всю производственную цепочку. Но привыкнув решать свои хозяйственные конфликты с использованием властного ресурса, с привлечением силовых структур, вы заинтересованы в том, чтобы у вас и дальше был коррумпированный государственный аппарат, и дальше оставалась слабой судебная система. А это стратегически крайне опасно для страны.